

Взгляд Мин Яня был пугающе спокоен, а его слова заставили сердце Е Цзинжуна упасть в бездну, все тело пробрало холодом.

Вот оно, так оно и есть. Е Цзинжун, ты, считающий себя умным, все же поверил в эту смешную клятву!

С трудом сдерживая слезы, Е Цзинжун так хотел набраться смелости и спросить: была ли военная клятва, которую князь дал тогда, просто шуткой над ним?

Но Е Цзинжун еще больше боялся, что стоит ему задать этот вопрос, как князь даже не захочет больше дарить ему этот прекрасный сон!

Увидев, что перед ним стоит человек с опущенными глазами, выглядящий вялым и безжизненным, Мин Янь понял, что тот, скорее всего, снова накручивает себя.

Его Цзинжун был хорош во всем, но слишком легко впадал в отчаяние. Возможно, это он, как муж, не мог дать Цзинжуну достаточного чувства безопасности.

— Я знаю, о чем думает Цзинжун, о тех отчаянных мыслях, заставляющих отрицать себя. Но на этот раз я скажу тебе предельно ясно: ты ошибаешься, ошибаешься жестоко. Ради Цзинжуна это преступление «сыновней непочтительности» я, боюсь, буду нести всю жизнь!

Голос Мин Яня звучал весомо и властно, пробиваясь к ушам Е Цзинжуна и эхом отдаваясь в его мыслях.

— Радость от полноты дома и множества детей не сравнится с тем, чтобы быть с тобой при свете луны и говорить о житейском.

Услышав это, Е Цзинжун с недоверием поднял голову, и влага, скопившаяся на глазах, больше не могла быть скрыта, ярко сверкнув перед взглядом Мин Яня.

Увидев это, Мин Янь снова почувствовал укол в сердце.

Он протянул руку, и пальцы, слегка грубые от постоянного обращения с оружием, нежно погладили влажный уголок глаза Е Цзинжуна. Взгляд Мин Яня потемнел, он тихо вздохнул и снова заговорил:

— Цзинжун, ты так боишься, что я тебя брошу? Ты же настоящий мужчина, высокий и сильный. К тому же, ты выдающийся из них. Почему ты готов ради меня замкнуться в себе, как в клетке, и сплести себе кокон?

Это был вопрос, который Мин Янь хотел задать с тех пор, как переродился. Обладая таким небесным даром, талантом цилиня, почему тот готов ради него заточить себя в этом дворце, ограничившись четырьмя стенами?

Е Цзинжун слушал, в его глазах, подобных воде, замерли рябь. Он слегка отвернул голову, глядя на карпов, резвящихся в пруду за беседкой, и после долгого замешательства медленно произнес:

— Ты не рыба, откуда знать, рада ли рыба? Князь не Цзинжун, откуда знать, не желает ли Цзинжун этого?

Каждое слово было пронзительно, как кровь. Не будь Е Цзинжуном, никогда не понять его

слепой привязанности!

Услышав это, сердце Мин Яня забилося так, словно его бросало на гребне волны, то поднимаясь, то опускаясь, не находя покоя.

В этой жизни встретить этого человека и быть с ним — это поистине благословение, которое Мин Янь заслужил за несколько жизней.

Рука, обнимающая талию Е Цзинжуна, резко сжалась. Если бы не опасение за здоровье Цзинжуна, Мин Янь бы безраздельно завладел им.

— Я тоже так думаю. Я знаю, что пройти мимо отца и матери будет непросто, но Цзинжун не бойся и не паникуй. Я встану перед тобой, все ветры и дожди я возьму на себя! — Мин Янь прошептал у самого уха Е Цзинжуна, голос был тихим, но звучал как гром.

— Князь, у Цзинжуна есть вина! — Подняв руки, Е Цзинжун обнял Мин Янь в ответ, уткнувшись головой ему в грудь, и только произнес эту фразу, не добавив больше ни слова.

У него есть вина, конечно. Ввести в заблуждение наследника престола, заставить его отказаться от рождения детей и продолжения рода — это тяжкое преступление!

Но Е Цзинжун признал вину, но не хотел отпускать. Он знал, как вести себя прилично, но только в этом хотел быть эгоистом. Если можно было привязать сердце Мин Яня к себе, Е Цзинжун был готов нести на себе клеймо «злого мужа, губящего государство»!

— У Цзинжуна нет вины. Любящим естественно хотеть быть вместе, как же это может быть грехом? Даже если есть грех, то это мой грех, все это я сделал по собственной воле, и Цзинжун здесь ни при чем!

Сердце Мин Яня болело за то, что этот человек нес на себе столько вины без причины, и он взял всю тяжесть на свои плечи.

— Завтра Цзинжун сопроводит меня во дворец, все будет как обычно. Сплетни и осуждение неизбежны, Цзинжун не принимай их близко к сердцу, я заставлю их замолчать. Но перед отцом и матерью Цзинжун ни в коем случае не должен отступать, не оставляй меня одного сражаться в одиночку!

— Князь, Цзинжун благодарит тебя!

Это чувство, когда тебя оберегают, слишком легко вызывает привыкание, помимо того, тот человек был божеством, которого он так жаждал коснуться!

Но как только Е Цзинжун закончил говорить, плечо сжали крепкими пальцами, а затем ключицу пронзила резкая боль — Мин Янь без церемоний оставил яркий след поцелуя на шее Е Цзинжуна.

Подняв голову и видя шок в глазах Е Цзинжуна, Мин Янь улыбнулся, приподнял бровь и холодно фыркнул:

— Я говорил, что не нужно мне говорить «спасибо». Но, похоже, память у Цзинжуна не очень хорошая. В этот раз всего лишь легкое наказание, если будет в следующий раз, я прибегну к домашним наказаниям!

Услышав это, Е Цзинжун не знал, плакать ему или смеяться. Он слегка опустил голову, глядя на яркий красный след на шее. Место было выбрано очень хитро: ни волосы не прикроют, ни воротник не скроет. На завтрашнем баннете ему, боюсь, придется явиться с этим заметным следом на шее.

На мгновение Е Цзинжун начал сомневаться, действительно ли этот человек хочет наказать его за сказанное спасибо, или воспользуется случаем, чтобы намеренно оставить этот след на его шее.

Учитывая деспотичную собственническую натуру Мин Яня, подозрения Е Цзинжуна были не безосновательны!

— Князь, как же Цзинжун теперь покажется на людях? — Хотя он так сказал, в голосе не было и тени сопротивления.

— Почему нельзя? На завтрашнем баннете министры будут с семьями, среди детей будут и неженатые юноши, и девушки на выданье, все как голодные волки, жаждущие добычи. Я должен оставить на Цзинжуне метку, чтобы другие не смели зариться на него!

Эти слова были слишком преувеличены. Мужчины в Царстве Минью не все были склонны к мужским связям, а женщины были скромны и сдержанны, как же в устах Мин Яня они превратились в голодных волков?

Старая поговорка «не ценишь, пока не потеряешь» не подходит всем, но Мин Янь, получив, стал ценить вдвойне. Теперь он был словно напуганная птица, желающая защититься от всех.

Неудивительно, что Е Цзинжун стал так неуверен в себе. Мин Янь теперь тоже стал таким, вложив столько сил, как можно не бояться потерять?

Его супруг обладал талантом цилиня, и теперь Мин Янь боялся: если он будет держать слишком слабо, другие украдут его, а если слишком крепко, Цзинжун выскользнет, как песок между пальцами!

— Ты моя супруга, поэтому на завтрашнем баннете, за исключением случаев, когда отец лично вызывает меня, Цзинжун не должен отходить от меня ни на полшага. Кроме того, те гражданские и военные министры не должны с тобой общаться без моего разрешения. Цзинжун мужчина, я знаю, что требовать от него соблюдения этих рамок, ограничивающих женщин, действительно несколько чрезмерно. Если Цзинжуну это трудно...

Е Цзинжун внимательно слушал, ожидая продолжения слов Мин Яня: если трудно, то что?

Но здесь Мин Янь внезапно умолк, лишь горяче глядя на Е Цзинжуна, ожидая его заявления!

Если бы не хорошее воспитание, Е Цзинжун сейчас бы уже дергался уголком рта. Это было просто нарушением правил, этот человек вообще не оставил ему пути к отступлению!

Слова казались наполовину сказанными, наполовину оставленными, но оставленная половина была просто приманкой. Теперь перед Е Цзинжуном был только один путь: он должен согласиться, даже если не хочет!

— Князь, Цзинжун... не чувствует затруднения! — Взгляд был полон тоски, эти слова много раз крутились в горле Е Цзинжуна, можно сказать, он стиснул зубы, чтобы выговорить их.

Этот человек с детства имел дурной характер, повзрослев, надел маску, казался справедливым, но на самом деле был плохим до самой сути.

— Цзинжун так понимает, это очень утешает меня. Я думал, если Цзинжуну будет трудно, я могу уступить.

Мин Янь говорил это, не краснея и не сбиваясь, тон был серьезным.

А Е Цзинжун, услышав это, был вне себя от злости!

<http://bllate.org/book/16632/1523521>